

Риер Я.Г.

Могилевский государственный университет

КЛИОМЕТРИЯ И ИСТОРИЯ: НЕКОТОРЫЕ
КОММЕНТАРИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПОД-
ХОДАМ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ П.В.ТУРЧИНА
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА: НА ПУТИ
К ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»).

CLIOMETRICS AND HISTORY: SOME COMMENTS ON
INTERDISCIPLINARY APPROACHES (ILLUSTRATED BY
THE EXAMPLE OF P.V. TURCHIN'S BOOK «HISTORICAL
DYNAMICS: TOWARDS A THEORETICAL HISTORY «).

Бурные преобразования последнего времени способствуют росту интереса к общественным наукам в среде природоведов, которые не только привносят в гуманитарные исследования свои методики, но и выстраивают на их основе собственные концепции исторического развития. Среди подобных работ последнего времени выделяется своей проработанностью и «вживаемым» в историю монография биолога П.В.Турчина. На основе привлечения широкого круга литературы, в первую очередь социологической и антропологической, автор разработал методику и построил модели обширного спектра исторических процессов от древности до наших дней. Однако применение естественнонаучных подходов существенно упрощает исторические реалии. В итоге многие выводы оказываются неполными, а, следовательно, неточными и лишенными познавательного смысла. К тому же автор допускает множество исторических неточностей, значительная часть которых рассмотрена в данной статье. И хотя клиометрические исследования должны существенно повысить точность и обоснованность исторических разработок, делаться они должны, прежде всего самими историками, обладающими математической подготовкой. В качестве успешного примера указываются работы византистки К.В.Хвостовой.

Ключевые слова: Клиометрия, общественные науки, интерпретация истории, социология, подбор фактов, исторический контекст.

Recent headytransformationshave increased interest in the social sciences among naturalists who not only bring in the humanities their techniques, but also build their own conceptions of historical developmenton their basis.

Among such recent works stands out biologist P.V. Turchin's monograph "Historical Dynamics: Towards a theoretical history" being detailed and historical. On the basis of a wide range of literature, primarily sociological and anthropological, the author developed methodology and built broad models of historical processes from antiquity to the present day. However, the use of natural science approach greatly simplifies the historical realities. As a result, many of the conclusions are incomplete and therefore inaccurate and devoid of cognitive meaning. Furthermore, there are many historical inaccuracies, many of which are discussed in this article. Although cliometric studies should significantly increase the accuracy and validity of historical research, primarily the historians who have mathematical background should do them. As a successful example, the author points out the works by K.V. Khvostova who carries out research in Byzantine civilization.

Конец прошедшего и начало нового тысячелетия в науках об обществе характерен не только конвергенцией различных направлений в них, но и усилением внимания к изучению общественных процессов среди естественнонаучного сообщества. Это, в принципе, логично. Бурные социальные преобразования последнего времени касаются всех и кому, как не интеллектуальной элите, разбираться в глубинных основаниях и трендах происходящего. Гуманитарии с присущей им рефлексивностью, отвечая на одни вопросы, ставят новые. Продолжая спорить о главном (и о второстепенном тоже), они не только не могут помочь определиться с направлением развития, но даже не могут прийти к однозначному толкованию прошлого. Причина, в общем, понятна: при кажущемся обилии исходных данных для каждой конкретной эпохи они неполны. Особенно это касается времен более отдаленных, но критично важных для понимания закономерностей человеческого развития. Лакуны в фактах заполняются силлогизмами, толкованиями, мнениями, что открывает простор для субъективности. Как заметил Фернан Бродель «история – это сон историка». Природооведам, привыкшим к определенности, к материализованным фактам, а не к сообщениям о них, с чем приходится иметь дело историкам, традиционные исследовательские методы последних представляются явно недостаточными. «История, понимаемая как "наука о мнениях" или даже как "наука о фактах"... допускает произвольное препарирование, многократное переписывание, "подсезонивание" и аранжировку различных событий прошлого "на злобу дня"» [Малинецкий, С.13]. Особенно это относится к идеологизированным обществам, в которых манипули-

рование прошлым позволяет решать текущие политические задачи. Подобные упреки историкам часто приходится слышать от представителей *естественных наук*.

В результате те из «технарей»¹ (физиков, если исходить из их известного противопоставления *лирикам*), кто озабочен общественными проблемами и склонен к гуманитарному дискурсу, сами обратились к анализу исторических процессов. Иногда это делается путем непосредственной интерпретации исторических фактов и построения соответствующих концепций, чем занимается, например, геофизик В.В.Клименко [О его исторических изысканиях см.: Карпюк, С.15-63; Риер, 2012]. Но чаще профессиональные навыки теоретических обобщений природоведов ведут их к наиболее близкой истории, но обобщающей науке об обществе – *социологии*. Именно через нее происходит приобщение к историческим фактам и делаются соответствующие выводы.

Начало такого подхода восходит, пожалуй, еще к Н.Я.Данилевскому, естественнику по образованию и первоначальному научным интересам, чей труд «Россия и Европа» (написанный в 1868 г., в т. ч. по следам Крымской войны и начавшегося объединения Германии) в контексте событий последних десятилетий пережил второе рождение. Собственно, в середине XIX в. социология еще только зарождалась. К нашему времени она уже обросла собственной методикой, через статистику связанной с математикой, что, во-первых, повышает ее точность, а во-вторых, делает понятной и близкой «технарям». Именно через «сито» социологов природоведы и математики получают и анализируют основные исторические материалы, как это ярко проявилось в труде, чтение которого породило предлагаемые ниже рассуждения.

Книга биолога П.В.Турчина (второе издание: М. 2010) опирается на обширный литературный багаж из более 330 наименований. Но работ собственно историков в нем чуть более 30. Остальные – сочинения антропологов, этнологов, демографов, социологов (в большинстве) и математиков, чьи выводы, концепции и теории, на которых основывается и наш автор, Петр Валентинович Турчин, в конечном счете опираются на конкретные исторические изыскания. Особенно это относится к социологам, которые в анализе современных общественных процессов выступают, по сути, интерпретаторами истории. То есть, применяя язык наших студенческих лет, автор опирался не столько на первоисточники, сколько на обобщения из них.

¹ Прошу прощения за, возможно, упрощенный термин, но в данном контексте, полагаю, он уместен.

Естественно, нельзя объять необъятное. Особенно это актуально в междисциплинарных исследованиях, каковым является труд уважаемого П.В. Но в таком случае, если труд не коллективный, в котором участвуют профессионалы разных направлений и наук, автору следует быть предельно внимательным к границам собственной компетенции. Ибо неточности и ошибки даже в мелочах не только способны исказить получаемые результаты, но и вызвать недоверие к общим выводам. Это, в принципе, трюизм. Но, не скрою, заинтересовавшись данной книгой, вовсе не думал писать о ней. Ибо, понимая важность интердисциплинарных исследований, занимаясь ими по мере возможности (история – археология – историческая география и историческая демография), от математики далек. Однако, по мере вчитывания в текст, рука сама потянулась к уточнениям и даже, местами, к возражениям. Надеюсь, они будут полезны и автору, для которого, по всей видимости, это не последняя работа в данном направлении, а также другим интересующимся историей «технарям».

Итак. Книга, представленная как учебник, структурирована весьма корректно по отношению к читателю. Математические материалы предваряются и завершаются развернутыми вербальными пояснениями, суммируются в обстоятельных, но четких резюме. Научный аппарат точен. Уместен и удобен подробный глоссарий. К месту и Приложения в конце книги. Добрых слов заслуживает проявленная в тексте эрудиция автора, его остроумные замечания по поводу отдельных исторических событий и фактов.

Уже во введении П.В., представляя методiku своего исследования, декларирует понимание сложности исторических процессов. *«Для объектов исторического анализа характерны сложные обратные связи. Они не могут быть полностью проанализированы на качественном уровне, поэтому количественный анализ и математическое моделирование — ключевой компонент в этой исследовательской программе. Другим важным компонентом является использование статистических методов для сравнения предсказаний, полученных на основе построенных моделей, с наблюдаемыми процессами. Этот общий подход оказался очень успешным в естествознании. Не может ли он стать инструментом и в расширении нашего понимания исторических процессов?»* (С.34. Здесь и далее в круглых скобках – страницы по изданию [Турчин, 2012]). И вот здесь сразу возникает вопрос об адекватности такого подхода к историческим реалиям. Ведь поведение людей в силу наличия у них второй сигнальной системы порождает действия сложные, порой непредска-

зубые, если исходить не только из законов природы, но и логики. На поведение и индивидуумов, и, тем более, социумов, влияет такое обилие внешних факторов, которое невозможно встроить в строгие алгоритмы... Впрочем, П.Ф. в разных местах книги признает эту сложность. Но, тем не менее пытается ее преодолевать.

Автор ограничивает задачу: *«мы рассматриваем вопрос, почему территории некоторых государств в какие-то периоды увеличиваются, в то время как в другие периоды сокращаются?»*. Для этого анализируются доиндустриальные общества. *«Рассмотрение аграрных обществ мотивируется большим объемом эмпирического материала (примерно с третьего тысячелетия до н.э. до 1800 года н.э.) и относительной простотой этих обществ по сравнению с современными»* (С.34). Вот с этого места я стал читать с пристрастием, ибо, долгое время изучал именно аграрные порядки в средние века и не могу согласиться как с обилием эмпирического материала, особенно для древних и средневековых времен, так и с *относительной простотой этих обществ*. В последующих замечаниях к этим тезисам еще вернусь. Ибо, хотя далее в главе 1 автор демонстрирует понимание отличия получения знаний в *социальных науках*, в которых нельзя выделять и изолированно изучать простые объекты и отмечает, что *«реальные общества состоят из многих качественно и количественно различных элементов, взаимодействующих очень сложными способами. Кроме того, общество — открытая система: на него воздействуют внешние силы, другие общества, окружающая среда, а также наличие или отсутствие у членов общества той или иной информации. Наконец, индивиды обладают свободой воли. Таким образом, неудивительно, что физические подходы, доказавшие эффективность в случае простых систем, терпят неудачу в приложении к истории»*. И далее: *«действительности, с которой сталкивается историк: как правило, ему недостает данных по одним аспектам изучаемой исторической системы и есть лишь фрагментарная, не слишком точная информация относительно других»* (С.38). Но эти справедливые суждения не вполне согласуются с приведенными в предыдущем абзаце. Чтобы не быть обвиненным в «буквоедстве» и выдергивании фраз из контекста, стараюсь приводить обширные цитаты.

Еще раз повторю, что о корректности и доказательности математического аппарата судить не берусь. Поэтому опускаю дальнейшее изложение в главе 1 и главу 2. Перехожу к тем сюжетам, где присутствует История и ее интерпретации.

Первое замечание относится к материалам главы 3 об исторических примерах действий больших социальных групп, которых автор рассматривает в соответствии с подходами арабского интеллектуала XIV в., а, возможно, одного из первых социологов, Ибн Халдуна. Автор остановился на введенном этим мыслителем термине *асабия* («способность группы к коллективному действию» - С.285). С учетом современных представлений, у Ибн Халдуна речь шла о социально-политических объединениях, связанных с отношением к власти-собственности (определение Л.С.Васильева). Заметим, что эти *группы*, с учетом средневекового исторического контекста, когда сложилась наследственность определенных прав и обязанностей, обычно называются *сословиями*. Но автор упорно именует их *группами*, потому сохраним его название. Заметив сложности четкого определения параметров таких групп и динамики их интересов в каждый конкретный период их существования, когда надо было учитывать и некие иррациональные аспекты, присутствующие в сложных людских сообществах, П.В. решил ограничиться выделением самого общего признака, вероятно, удобного для статистической обработки.

Далее автор рассматривает социологические принципы анализа групповых действий. Особо выделяет этнические группы. Затем переходит к главному – анализу динамики групп, т.е., по сути, исторического процесса. Подробно рассматривает воззрения Ибн Халдуна и обосновывает преимущества его подхода по сравнению с более поздними концепциями. В частности, с теорией пассионарности Л.Н.Гумилева. Отмечая ее эвристические возможности, автор обоснованно указывает на неопределенность самого явления, а также на то, что основной упор Гумилев делал на внешние воздействия (С.84-85).

Постепенно от общего анализа концепций автор переходит к применению их на исторических примерах. И вот тут появляется повод для уточнений. Сопоставляя особенности Севера и Юга Италии, автор, ссылаясь на исследования социологов, выделяет ведущую, как ему кажется, причину появления мафии на Юге: *отсутствие межличностных связей, доверия и сотрудничества на Юге ведет к неэффективности и коррумпированности местной власти. Напротив, Север обладает много большим уровнем общественного доверия, и, соответственно, более эффективным правительством на местном уровне... Сицилийская мафия могла возникнуть как реакция на отсутствие доверия в Южной Италии... Недоверие — критическое различие, которое объясняет, почему мафия не появилась в*

других частях Средиземноморья» (С.88). Но в этих рассуждениях выделен лишь один аспект. Тогда как мафия появилась в определенной исторической обстановке и в конкретное, кстати, время, чего автор вообще не принял во внимание. А это был XIV в. с драматичными социально-политическими процессами на юге страны – внедрением там довольно жестких и отсталых для региона арагонских аграрных порядков. Крестьянство обезземеливалось и выталкивалось в разбой, а земельная аристократия научилась использовать появившиеся банды в своих интересах. Это система наложилась на традиции групповой солидарности, особо сильные у горцев и просуществовала до нашего времени. На Севере обстановка была куда более спокойной и лояльной для крестьян, избыток которых мог поглощаться бурно развивавшимися, самыми передовыми и свободными в тогдашней Европе городами. Так что в приведенном тексте правильнее было бы поменять местами причины и следствия. Отсутствие межличностных связей, доверия и сотрудничества на юге – следствие изначальной коррумпированности власти из-за ее зависимости от местных землевладельцев, что было следствием существовавших феодальных порядков, присущего феодализму сочетания власти-собственности. На Севере же сформировалась городская буржуазная политическая культура с институтами гражданского общества.

Очевидно, при обращении к конкретной истории надо опираться на общий контекст, что социологами, а, тем более, математиками осознается далеко не всегда из-за, рискну предположить, недостаточного владения материалом и, соответственно, историческим инструментарием.

То же замечание можно отнести ко многим последующим сюжетам и рассуждениям автора. В частности, к фразам на той же странице об американском обществе. Автор сослался лишь на примеры А.Токвиля, известного блеском и остроумием своих оценок. Но ведь в основе американского общества лежит, в отличие от всего Старого Света, отсутствие традиций феодализма. Отсюда – все его особенности...

Следующая цитата. «С другой стороны, нам хотелось бы подчеркнуть ценность размышлений Ибн Халдуна для теории исторической динамики, используя его терминологию (и если мы когда-либо сможем реально измерять «количество асабии», то стоит делать это в халдунах)» (С.89). Здесь сама выражаемая автором надежда свидетельствует о непонимании исторического процесса. Ибн Халдун не то, чтобы мало знал. Для своего времени он знал все, что требовалось для его выводов. Неопределенность и многозначность его

асабии, во-первых, от специфики арабского языка (поэтичеcko-образнообразия понятий и терминов), во-вторых, что понятно историкам, от сложности самих процессов, их *текучести*, невозможности свести их к количественным параметрам из-за неподдающихся статистической обработке общественных деяний.

Продолжая анализировать *асабию*, автор рассуждает о «квазидобровольном согласии граждан платить налоги», что «делается добровольно, потому что налогоплательщики предпочитают оплату, а не бегство от налогов (то есть такое поведение не является рациональным или эгоцентричным). Это квазидобровольное поведение, потому что налогоплательщики будут платить только пока они убеждены, что те, кто попытается избежать налогов, будут наказаны. Никто не хочет быть “лохом»» (С.91). Остроумно, но неисторично. Во-первых, о терминах – о гражданах вести речь допустимо только в демократических обществах, каковыми большинство аграрных – объект авторского анализа – не было. Во-вторых, налоги, в отличие от даней, вырастали из добровольных подношений в самих общинах успешным предводителям в благодарность за их удачное (для общины, рода, племени) правление. Об этом, например, четко писал в своей «Германии» известный римский историк и публицист I в.н.э. [Тацит, 15]. Затем, в процессе укрепления власти правящих элит налоги становятся обязательными, для собирания которых формируются особые нормы и специальный аппарат, что, собственно, и положило начало образованию государств.

И на той же странице: «Человеческие группы составляют промежуточный уровень организации между индивидами и государствами». И далее: «Не всякая совокупность личностей является настоящей группой. Группы возникают, потому что их члены очерчивают воображаемые границы, отделяющие ин-группу от аут-группы» (С.92). Но в таком подходе нет социальной составляющей. Историк бы написал о социальных группах, сословиях, классах, наконец – нужна социальная определенность, которая, отметим, в разных исторических периодах отличалась своими особенностями. Но автор продолжает: «Способность группы к совместному коллективному действию называется коллективной солидарностью, или *асабией*... Группы, отличающиеся высокой *асабией*, имеют тенденцию выживать, расширяться и размножаться за счет групп с более низкой *асабией*» (С.93). Неконкретно, внеисторично, напоминает социологические наблюдения за различными современными малыми группами. Здесь и далее на этой странице анализируемого текста на-

прочь игнорируется социальный аспект групп (пусть они – асабии): крестьяне, горожане, владельцы, подневольные, знать и иерархия групп в конкретных социумах.

Продолжая свой анализ, П.В. пишет: «мы уделяем основное внимание рассмотрению двух главных измерений государственной структуры. Первое — это социально-экономическая стратификация, где различаются властные элиты и простые люди, занятые производительным трудом. Второе — этническое измерение» (С.94). Здесь не только упрощение, но и упущение: не выделяются социальные группы в «социально-экономической стратификации» (буржуа разных уровней, наемные работники, мелкие собственники...) и – то же – в этнических группах. Но автор продолжает «Другое упрощающее предположение состоит в том, что в каждой империи есть особая группа, чья асабия оказывает преимущественное влияние на успех или поражение империи. Простейший тип такой имперской «сердцевины» — это элита стержневой этнии» (С.94) – опять упрощение, грубое, с точки зрения истории. В итоге, что такие модели объяснят?

И, как результат показанного упрощенного подхода: «Возможен случай, когда государство имеет два отдельных ядра, как, например, Габсбургская империя Карла V (кастильцы и австрийские немцы), но такие ситуации представляются довольно неустойчивыми. Поэтому, видимо, империя Карла V после его отречения была разделена между австрийской и кастильской ветвями Габсбургов» (С.95) – очень наивный вывод. Не учтена ни внутренняя обстановка в Империи, ни международные отношения в XVI в... К сожалению, обстоятельная аргументация сильно «раздует» данную статью. Тем более, что подобных моментов в книге не так уж и мало. Поэтому сошлюсь хотя бы на соответствующие тома и разделы в академических изданиях типа «Всемирной истории», «Истории Европы», «Истории Востока». Автор, к тому же имел возможность воспользоваться и «Кембриджской историей» и другими западными специальными изданиями. Но дело, видимо, в том, что при социологическом подходе, принятом автором, выделяются лишь общие черты, тренды. Появляется генерализованная картина – вид сверху. Но в ней теряются не только детали, но и суть, «дух» эпох. Потому, скажу откровенно, некоторые выводы социологов порой выглядят банально, как бы на уровне здравого смысла. Но при таком подходе и земля долго считалась плоской, ибо виделась именно таковой...

А вот такое наблюдение, как *тесная связь конфликтов с плотностью популяции* (С.97) – весьма важно для анализа причин возник-

новения государств. Но такую возможность своих популяционных расчетах автор не использует.

Далее П.В. рассматривает динамические процессы на примере истории абстрактной империи. *«Новая империя первоначально управляется высокосолидарной элитой, которая достигает успеха в поддержании внутреннего мира (война переносится к границам). В результате плотность популяции в центре увеличивается до пределов.... Жители центра империи защищены от внешних угроз, но им приходится конкурировать между собой в борьбе за ресурсы, и в итоге совокупного действия этих факторов асабия в центре империи начинает снижаться. Этот процесс, вероятно, занимает долгое время... Тем временем запускается новый цикл этногенеза в пограничной зоне — он также протекает достаточно медленно. В конечном счете, рождается новая этния (или несколько этний), которая положит конец старой империи, и цикл начинается снова»* (С.102). Это – один из ключевых выводов автора, названный им *«теория межэтнического пограничья»*. Но, во-первых, это несколько другими словами, что вполне естественно, описал еще Ибн Халдун; во-вторых, это давно известно историкам, причем на конкретных примерах, особенно для стран Востока, т.е. куда точнее, чем у автора.

Понятно, что здесь это сделано для выработки основ моделирования. Но, как и дальнейшие социологические обобщения (С.105-109), основанные на максимальной генерализации истории приводят к усредненной принципиальной схеме. Это, уж, прошу прощения за сравнение, как в когда-то увиденной еще в школьном учебнике физики схеме цепной ядерной реакции – все понятно, но по ней бомбу и реактор не построить (к счастью). Для представлений об общих закономерностях исторического процесса такие обобщения достаточны и правомерны. Но прогнозирование на этой основе, к чему стремится автор – сомнительно, ибо именно в деталях (локальных вариантах) и прячутся «черти». И в качестве конкретного примера: *«Только немногие группы смогут найти комбинацию норм и структур, дающую возможность им выжить и расширяться»* (С.106). Вот в этом – вся суть: как выявить эти немногие группы при таком подходе?

Тем более, что *«мы имеем дело с динамическими системами, и интуиция, основанная на качественном рассмотрении, может ввести в заблуждение. К примеру, существует вероятность того, что если мы трансформируем сделанные предположения в математическую модель, то получим не ожидаемые циклы взлета/упадка, а иную динамику. Таким образом, мы должны удостовериться, что наше рас-*

суждение верно» (С.109-110). Тут все обоснованно, но посмотрим, как у автора получится при столь обобщенном подходе.

И как промежуточный итог: «*модель характеризуется хаотической динамикой... Конечно, наша пространственная модель является чрезвычайно простой, но более сложные модели обычно имеют большую склонность к хаотическому поведению*» (С.119). И далее: «*Один из ключевых периодов в жизни государства — его начало. Чтобы государство могло расширяться, асабия его этнического ядра должна, так или иначе, превзойти асабию окружающих этнических групп. Процесс, увеличивающий асабию группы и направляющий ее на строительство и расширение государства, — этногенез*» (С.122-124), что и так известно!

А далее еще интереснее. «*Есть основания полагать, что развитие Европы отличается от развития остального мира только после 1800 года*» (С.125). Ну уж нет! Уже с античных времен в Европе, сначала Южной, потом, в средние века – Западной – сложился свой особый уклад, основанный общественно признаваемой частной собственности, чего в остальном мире не было. Причиной появления и результатом этого феномена посвящена обширная литература. Но сошлюсь, хотя бы, на себя, где приведены минимально необходимые издания с собственными ссылками [Риер, 2003; Риер, 2006а]. Отсюда и дальнейшие выводы (С.126-127) «повисают в воздухе».

Серьезные претензии можно предъявить к представленной карте культурно-географических областей Европы (С.127-128, рис.5.1). Автор попытался отразить на ней две тысячи лет европейской истории (1-1900 гг.). Но ведь «нельзя объять необъятное». В итоге на карте представлены образования, существовавшие в совершенно разные периоды времени. Если детализировать, то за выделение Беларуси в современных границах автор мог бы получить благодарность от тех, кого называют белорусскими националистами, ибо Беларусь в указанных рамках появилась лишь в XX в. Смоленщины, обозначенной на карте, как отдельногополитического образования никогда не существовало. Украина разделена на области XVIII-XIX вв., что также – исходя из реалий последнего времени – подарок нынешней российской политической элите? Византии нет вообще – значит, на карте Балканы показаны по состоянию после захвата империи османами в середине XV в. Но с учетом нарезки на нынешние балканские этносы – период османского господства также не учтен. Значит, на карте – конец XIX в.? Границы на Пиренеях – на XIV – середину XV в. В Северную Италию включена и Швейцария. Общее же

между ними – некоторые черты свободного политического устройства. Но и только. Чтобы карта работала, ее надо было разбить на хронологические отрезки. В представленном виде она не придает наглядности, а лишь искажает историю Европы.

К Византии автор все же обращается на следующей странице. Но как! *«Византийская империя представляет собой историческую загадку, формулируемую так: почему Восточная Римская империя пережила крах Западной и затем процветала еще тысячелетие?»*. Эта «загадка» раскрывается в любом учебнике. Но автор предлагает свое решение. *«Теория метаэтнического пограничья предлагает решение этой загадки. В период с III до X века область вокруг Константинополя была имперским пограничьем»* (С.133-134). И это тоже было. Но главное – более устойчивый хозяйственный уклад Восточной части Римской империи, в котором, кроме рабовладения, впавшего в кризис после II в. н.э., сохранилось крестьянское хозяйство, этим кризисом не затронутое. Оно и «вытянуло» страну после падения ее западной части. Ну и не столь разрушительный натиск варваров на Балканах...

Далее, *«византийцы выжили и, когда в середине IX века давление уменьшилось, они начали собственную территориальную экспансию»* (С.134). Тут автор ошибся с датой. В начале IX в. Симеон Болгарский даже к стенам Константинополя подходил и лишь его смерть остановила болгарскую экспансию. Только спустя 100 лет византийский император Василий II стал Болгаробойцей (убийцей болгар), захватив их царство в 1018 г.

Завершая анализ истории становления раннесредневековых государств автор отмечает: *«что результаты рассмотрения Европы в течение I тысячелетия подтверждают пограничную модель. Статистический критерий указывает, что имеется высокая степень корреляции между пограничьем и происхождением больших государств»*(С.135). Этот аргумент лишь дополняет то, что историкам известно и без специальных моделей. И далее. *«Как можно заметить, общая картина согласуется с прогнозами граничной модели. Все великие державы (Англия, Кастилия-Испания, Франция, Бранденбург-Пруссия-Германия, Австрия, Литва-Польша, Византия, Османская империя и Московия-Россия) произошли из областей, испытывавших сильное влияние пограниччии. Также интересны области, которые никогда не испытывали влияния интенсивных пограниччии»* (С.138). А, может, все было наоборот? В раннем средневековье, откуда родом все указанные государства, границы были подвижны и находились

практически везде. Те образования, которые в силу **многих** внутренних и внешних причин, оказывались успешными в своей экспансии (Франция, Англия в рамках своего острова, Византия в пору расцвета, османская Турция, ВКЛ, Московия) постоянно толкали перед собой границы как суда волны. Вот и получалось, что там, где успешные экспансии, там и границы. Иными словами, границы – следствие, а не причины возникновения великих держав! А в итоге, аргументы автора вполне приемлемы по принципу: «то же самое, но вид сбоку». Оправдать проделанную П.В. работу можно лишь тем, что его модели отражают исторические реалии? Но, как покажет дальнейший анализ, свойственные моделированию упрощения едва ли позволяют их прикладывать к любым историческим процессам и, тем более, позволять прогнозировать будущее, на что надеется уважаемый автор.

Есть и неточности помельче. Случай Швейцарии *«интересен, потому что первоначально, в XIV-XV столетиях, швейцарцы весьма агрессивно расширяли свое государство»* (С.138). Автор привел его как пример аномалии, выходящей за рамки модели. Но для истории тут никакой аномалии нет. Ее население не проявило агрессивности из-за внутренних условий – общинного устройства при отсутствии феодалов, заинтересованных в экспансии в силу того, что только рост земельных владений, давал им влияние и статус. А то, что в XIV-XV столетиях *швейцарцы весьма агрессивно расширяли свое государство*, так это – ошибка. Они боролись и с Габсбургами, и с бургундцами за свои земли, ничего иного не захватывая.

«Однако самую большую проблему для модели создают три случая, когда нет пограничий, но есть империя. Первый — средневековая Польша (300 тыс. км² в 1020 году). Это государство, очевидно, формировалось под сильным давлением, исходящим от франкского пограничья (подобно близлежащей Богемии)» (С.138). Тут непонятно, причем франки? *«Второй случай — герцогство Бургундия (пик в 1480 году). Оно возникло как «государство-надалычик», подбиравшее остатки Франции после краха XIV столетия. Бургундские герцоги осуществляли свою программу территориальной экспансии с помощью династических браков. На пике могущества территория Бургундии достигла приблизительно 130 тыс. км²»* (С.138). Определение сути этого государства интересное, но с точки зрения именно Франции Капетингов. История пишется победителями? Это как с Польшей в 1939 г. (по известному заявлению Молотова) и теперь по отношению России к Украине. Или, ближе к теме: как спор между Москвой и ВКЛ за лидерство в Приднепровских землях.

И действительно бесспорный вывод: «С таким множеством исключений маловероятно, что позиционное преимущество смогло бы объяснять историческую динамику Европы. В лучшем случае это был фактор вторичного значения (С.140). Как заметил, уж не помню где, акад. П.Л. Капица «отрицательный результат в науке – тоже результат». Тем не менее: «можно утверждать, что теория мета-этнического пограничья обеспечивает последовательное объяснение пространственно-временной картины политического развития в постримской Европе. Теория дает также и более точное отображение этой закономерности... Общее объяснение, основанное на связи между пограничьями и коллективной сплоченностью, должно подтверждаться и вне Европы. По крайней мере, эта теория представляется правдоподобной рабочей гипотезой, заслуживающей применения при изучении других мировых регионов» (С.142). Т.е. критерий пограничности все же работает. Но, «хотя модель пограничья точно предсказала динамику подавляющего большинства крупных территориальных государств (по крайней мере, для Европы 500-1900 годов), она не смогла предсказать успех некоторых других. Это наблюдение говорит о том, что могут существовать другие дополнительные механизмы, объясняющие происхождение больших территориальных государств» (С.143). Историк у понятия, ибо выбраны лишь отдельные, причем чисто внешние критерии, но, очевидно, пригодные для математической обработки. Отрадно, что автор понимает ограниченность подхода. Но непонятно, почему же тогда разработанную модель можно применять, несмотря на существование других дополнительных механизмов? И далее автор ищет эти механизмы в анализе динамики исторических процессов, что, в общем, правильно, но опять ограничено. Как видно из дальнейшего изложения, вне поля зрения исследователя оказался такой **существеннейший** пласт исторических процессов, как **социально-экономические отношения**.

Глава 6, посвященная этническому развитию и его математическому анализу начинается также с неточностей. «Одно из определенных империй — это государство, включающее более чем одну этнию» (С.144). Тогда почему везде в книге к империям относится государство Меровингов (не очень прочное объединение одних только франков)? Мелочь? Но ведь в «точных» науках ошибка в любом элементе искажает результат. А здесь автор, помимо постоянных допусков, просто невнимателен к применяемым терминам. Затем: «главная цель этой главы состоит в разработке моделей этносоциальной динамики. Мы назовем такие модели этнокинетическими, потому

что математически они очень похожи на модели химической кинетики» (С.145). Не упрощение ли? Хотя далее: «Очевидно, предположение о двух отдельных этниях с индивидами, производящими мгновенное переключение между ними, — это большое упрощение действительности. Однако для некоторых исторических примеров эта простая модель может дать неплохое приближение» (С.146).

Последующие модели выстраиваются на известиях о ранних христианах. Но здесь вызывают вопросы приводимые данные. Автор ссылается на Р.Старка, который «...предполагает, что в 40 году н. э. было около тысячи христиан и что их число росло по экспоненте с относительной скоростью 40 % в десятилетие... Одна тысяча людей соответствовала 0,0017 % населения Римской империи» (С.164). Но ведь все сведения, особенно об общей численности римлян весьма приблизительны, что едва ли позволяет делать расчеты с десяти тысячными долями процента. Это чуть ниже признает и сам автор: «Чувствительность к начальным данным делает точный прогноз проблематичным, особенно, когда начальные условия трудно точно замерить. В случае распространения христианства оценка Старка в 1000 обращенных в 40 году н. э. может быть легко пересмотрена на порядок величины вверх или вниз» (С.168). Автор допускает, что «может быть добавлено большее количество классов, отражающих более тонкие деления, но в конечном счете модель может стать слишком сложной... Альтернативный подход состоит в постулировании существования многих непрерывных измерений...» (С.168). В том то и дело. Но, указав на наличие иных, более сложных подходов, автор возвращается к своим моделям.

«Важный общий вывод главы — доказательство перспективности предлагаемого в книге формального подхода. Как отмечалось ранее, этот подход предполагает преобразование альтернативных предположений в математические модели и использование эмпирических данных для выбора модели, наиболее приближенной к истине. В этой главе мы показали, что этот подход может служить для решения конкретных исторических задач. Более того, даже относительно простые модели могут давать поразительно точные результаты, когда они применяются к реальным историческим данным» (С.171). Хорошо, когда модель можно «модифицировать» (точнее, подкорректировать) при сравнении с известными историческими событиями. Но тогда для чего эти модели нужны? Ведь во введении автор пишет о них как основе для прогнозирования. В итоге исторические прогнозы получатся столь же точными, как и погодные...

В главе 7 автор, наконец, рассматривая *структурно-демографическую теорию*, обращается к социальным процессам. При этом продемонстрирован вполне адекватный анализ их причинно-следственных связей. Затем П.В. переходит к их математическому моделированию (С.176-182). И здесь, что непривычно гуманитариям, сразу идут допущения (*предположим, что...*). Далее автор указывает на некоторые внешние факторы, могущие изменить линию развития (С.182). Наконец, вводится и классовая структура (С.184).

Демография, вернее ее статистика предоставляет вполне приемлемые основания для моделирования. Но коль речь идет о количественных данных. «Если ресурсы в расчете на одного крестьянина превышают некоторый порог, то численность крестьян увеличивается. С другой стороны, если изымается слишком высокая доля продукции, то численность крестьян уменьшается. Как показано в приложении, в случае, когда крестьяне распоряжаются всеми производимыми ресурсами, динамика их численности описывается логистическим уравнением» (С.184). Однако все сложнее. В традиционных обществах (аграрные, которые рассматривает автор, относятся именно к таковым) размеры семей, особенно крестьянских, регулировались, прежде всего, уровнем смертности, особенно детской («больше умерло, чем выжило», как вспоминала русская купчиха в конце XVIII в.). Отсюда, вплоть до промышленной революции XVIII-XIX вв. (и то только в Западной Европе) средняя продолжительность жизни не выходила за пределы 30-40 лет. Население, даже в спокойные годы росло стабильно медленно, а катаклизмы – эпидемии, войны, стихийные бедствия провоцировали демографический регресс куда сильнее, чем материальный уровень семей [См. Риер, 2006, С.91-124].

И далее на той же странице: «...увеличение численности элиты позволяет отчуждать у крестьян большую долю продукции, способность отчуждать ресурсы подвержена закону уменьшения отдачи, так что душевой доход элиты уменьшается с ростом ее численности». Опять же все сложнее: с ростом элиты растет нажим на крестьян и далеко не всегда он ограничивался реальными возможностями последних. При этом, помимо роста «потребностей желудков» знати часто добавлялись поборы на обеспечение иных ее надобностей – на те же войны. Есть масса примеров в истории, когда власть, чтобы удержать под контролем собственную знать, вела в ее пользу завоевания, что, естественно, тоже провоцировало нажим на податное население, прежде всего, естественно, на крестьян. Как

следствие – крестьянские восстания, массовость которых на Востоке нередко приводила и к смене правителей и даже династий (Китай), на что обращал внимание и Ибн Халдун. Все это намного осложняет задачу построения математических моделей.

И еще все там же. «Если душевые ресурсы элиты велики, то она растет путем самовоспроизведения и пополнения из среды простых людей». Но для средневековой Европы, например, такой способ пополнения элиты был невозможен из-за строгой сословности: разбогатевший крестьянин и даже горожанин не мог, как правило, стать дворянином (кроме Англии с ее новым дворянством после XII в.). Так что прямые корреляции здесь некорректны.

Дальнейшие рассуждения автора (С.185-188) демонстрируют его эрудицию, но требуют конкретной исторической привязки, ибо в реальной жизни возможны различные комбинации описанных моделей, причем динамично меняющиеся. Например, «мусульманин мог иметь четыре законных жены. Конечно, в мусульманских обществах многие аристократы имели большее число наложниц и часто утверждали их сыновей в роли законных наследников. Такая практика ведет к более высокой скорости популяционного прироста. С другой стороны, более бедные члены элиты иногда не могли позволить себе содержать четырех жен. Поэтому, вероятно, что множитель четыре — разумное предположение для выбора соответствующего значения...» (С.189). Это уж очень умозрительное допущение, основанное на норме шариата (4 жены), а не на демографических подсчетах.

«Когда имперская конфедерация достигает максимальной нормы извлечения, ее территориальный рост останавливается, но численность элиты продолжает увеличиваться в результате естественного прироста... Это уменьшение понижает способность извлекать дань из аграрного государства, что, в свою очередь, усиливает конкуренцию внутри элиты» (С.194). Здесь автор возвращается к простой логике: рост численности (элиты, крестьян) ведет к разорению. Но не всё так прямолинейно. При укреплении власти у нее росли и возможности для повышения объема отчуждаемого продукта. И тут уже потребности могли определяться просто жадностью, стремлением возвыситься в своей среде (напр., английские ливрейные дружины XV в.). Богатство искажало потребности. Излишества становились обыденностью. В итоге рост потребления элиты уже не обязательно увязывался с ее численностью. Но бывало и наоборот, когда разумный правитель добивался ограничений для своего окружения, как, например, это произошло в оккупированном монголами

Иране при Газан-хане (1295-1304). Можно вспомнить и китайские реформы Ван Аньши. Так что ситуация могла на время меняться и в силу тех или иных частных действий. Для моделирования же нужны четкие шаблоны, основанные на стандартной логике. Это, кстати, понимает и автор, анализируя модели китайского династического цикла (С.195-196).

Всё представленное в параграфе 7.2.5. «Итоги теоретических работ» исторически адекватно и демонстрирует, как уже отмечалось выше, историческую эрудицию автора. Которая, кстати, становится таковой особенно там, где мы видим ссылки на Дж.Голдстоуна. Но с заключительными рассуждениями в параграфе о названиях известной волнообразности развития аграрных обществ Востока (именно Востока, в Европе этого не было), можно и подискутировать. Автору представляется наиболее приемлемым определение: вековые волны или циклы (С.198). Но, эта волновая цикличность ведь не была стабильной. Допустим, основные китайские средневековые династии существовали действительно в близких временных рамках – около 300 лет, однако сельджуки в Турции правили около 170, а османы – более 600 лет. Может, удачнее будет совместить цикличность с концепцией Ж. Ле Гоффа о *долгой истории* и ввести определение, не несущее в себе четкой временной определенности?

Дальнейшие примеры (С.198-206) работают в моделях благодаря локальности взятого периода, когда, хотя и в разной степени, но уже проявлялись глобальные рыночные тенденции, что и характерно для Нового времени. В предшествующие эпохи такой глобальности еще не было. Что, собственно, видно из примеров самого автора, ссылающегося на работу историка Д.Х.Фишера об экономических циклах, но именно на материалах Западной Европы (С.202-204). Да, там действительно, с развитием городов, т.е. с XII-XIII вв. началось развитие капиталистических тенденций в экономике. На основе вербального, как отмечает автор, анализа экономических (главным образом ценовых) колебаний были составлен график ценовой динамики и формулируется содержание циклов европейской истории XIII-XIX вв. в духе Ибн Халдуна, охватив в одном абзаце всю историю континента за 700 лет (С.202-203). Объективности ради автор признает, что построения Фишера вызвали серьезную критику, прежде всего за упрощения. Но именно такой подход П.В. представляется приемлемым, ибо он позволяет применять предлагаемые в книге математические модели, подтверждающие выделенную автором цикличность в истории. К сожалению, низведение истории до

некоторых основополагающих параметров, определяющих развитие, удобное для моделирования, уводит реальную жизнь в область таких обобщений, что эта реальность теряется. Стремление автора найти (подобрать, выделить) общую схему исторического процесса, которую можно приложить к любой эпохе и стране (региону) едва ли будет принято большинством историков по тем же причинам, по которым критиковали того же Фишера.

Затем автор пересказывает сравнительное исследование С. Борша о результатах чумы на примерах Англии и Египта (С.204-206). Вполне справедливо причины неодинаковых последствий чумы видятся в различных формах землепользования. Не знаю, где здесь место для моделей, но с точки зрения историка здесь все понятно: и в Риме, и в средневековой Англии землевладение было частновладельческим; на Востоке, в том числе в Египте оно было огосударственным. Литературы об этом, как отмечалось, масса [См. Риер, 2003; Риер, 2006а]. Разница между эффективностью государственной и частной экономик, полагаю, понятна всем. Отсюда и результаты. Ценность новейших частных исследований – лишь в подтверждении уже известного вывода дополнительными количественными данными. Стоит ли это еще переводить в математические модели? Разве что для отработки самой методики моделирования общественных процессов в математике. Историкам здесь, все ясно и без формул и графиков (опять: не следует множить сущности). Приятно, конечно, что автор эти аргументы историка принял.

Но вот дополнительные комментарии в книге не только излишни, но содержат ошибки: «...превращения части дворян в крестьян из-за экономических трудностей...» в ходе войны Алой и Белой Розы в Англии второй половины XV в. (С.206). Дворянин, однако, в феодальном обществе в крестьянина не превращался в силу своего сословного статуса (вспомним д'Артаньяна). И далее: «...к концу Войны Алой и Белой розы. Поскольку численность элиты снижается до достаточно низкого уровня, эксплуатация крестьян уменьшается, их душевое потребление растет, и появляются условия для начала следующего векового цикла». Но ведь с этого времени в Англии начинаются огораживания со сгоном крестьян с земли, их обнищанием и почти исчезновением к XVII в. В итоге новый цикл в стране выразился в появлении дешевой рабочей силы, ускорившей сложение капитализма... То есть реальная история много сложнее схем. А раз так, то, еще раз: для чего они?

Поскольку дальнейшие рассуждения автора не выходят за рамки демографических процессов, они неадекватны всем сложностям исто-

рического развития, рассмотренного на данной странице. Соответственно, и резюме к главе (7.4, С.207-208) выглядит после вышеприведенного комментария сугубо формальным. Автор демонстрирует неплохое понимание исторической литературы и соответствующую эрудицию. Однако его исторические познания недостаточны для выводов в рамках этой науки. Как, кстати, и мои познания в математике. Поэтому текстов с формулами я не касаюсь...

В главе 8 автор подробно рассматривает вековые циклы в истории с точки зрения демографических процессов и берет за основу ряд исследований авторитетных историков. Но у них демографические процессы встроены в обширный комплекс природных, хозяйственных, бытовых, социальных и политических факторов. Особенно это касается Ф.Броделя, который буквально нанизывает на основную канву истории сотни разнообразных фактов. А Э.Леруа-Лядюри, кстати, на основе своих наблюдений над климатом Европы во II тыс.н.э. выразил скепсис к поискам цикличности в истории [ЛеРуаЛядюри, С.217-223]. Автор же ограничивается только анализом колебаний численности населения. Оно и понятно, ему ближе цифровые данные. Но насколько адекватно они отражают все многообразие истории? Кстати, за преувеличение демографических факторов критикуют и историка С.А.Нефедова.

О цикличности в демографии, столь важной для построений автора. В данной конкретной сфере она действительно существует. А вот увязка демографических процессов с колебаниями «второго порядка» — динамикой «финансово-демографической модели краха государства» (С.212) неочевидна. Автор допускает, что *«При использовании для человеческого поколения крайних значений в 20 и 30 лет, можно предположить, что циклы второго порядка имеют периоды в пределах от 120 до 450 лет, с наиболее вероятной областью 200-300 лет»* (С.210). И получится средняя температура по больнице. Для анализа демографических процессов этого, наверное, достаточно, учитывая приблизительность наших сведений о народонаселении в прошлом. Но если считать, что популяционная динамика способна отражать общеисторические закономерности, то картина может получиться искаженной. Автор признает: *«Приблизительные вычисления в этом разделе следует принимать лишь как указание на порядок периода, который мог бы характеризовать колебания второго порядка в популяционной динамике людей. Очевидно, периодичность меняется в зависимости от типов переменных, структуры модели и значений параметров»* (С.213). Но далее: *«Модели, основанные*

на структурно-демографической теории, предсказывают колебания с периодом между одним и тремя столетиями в зависимости от значений параметров и структуры модели. Этот теоретический результат дает более твердую базу для предсказания периодов колебаний» Но если получается разбежка в 2-3 столетия, то где закономерность? И тогда, опять, в чем суть модели?

Переходя к тысячелетиям, автор опирается на неточные сведения: «согласно оценкам Мак-Эведи и Джонса, обычное время удвоения человеческой популяции до индустриальной эры было около 1000 лет.» (С.213). К сожалению, мне данная работа недоступна и потому не могу судить об основаниях такого вывода. Но по всем известным оценкам картина иная. В начале новой эры на Земле по усредненным оценкам проживало 200-300 млн. человек, в X в., с учетом демографического упадка в середине тысячелетия, сохранился прежний показатель. Еще спустя 500 лет на Земле насчитывалось уже 450-500 млн. человек. Удвоение произошло примерно за 400 лет и примерно к 1820 г. численность человечества достигла 1 млрд., а к 1910 г. людей стало около 1 млрд. 800 млн. [Риер, 2006. Там же и др. ссылки]. И все эти демографические показатели отражали общеисторические процессы. Если же сложную кривую графика роста населения изменить на прямую, что это даст в постижении истории? Впрочем, в следующих строках данной главы автор демонстрирует понимание реальных исторических сложностей. Но, признавая это, пишет, что не будет их учитывать «потому что» данная процедура «требует много больше, чем предполагают возможности этой книги» (С.214). Далее, вслед за авторами использованных работ, Турчин разделяет обоснованные и экстраполированные данные. Попутно признает отсутствие четкой цикличности в Китае и недостаточность статистических данных для некоторых иных регионов а, следовательно, невозможность их использования в данном исследовании (С.220-221). В итоге он делает вывод, что «в процесс восстановления исторической динамики человеческих популяций часто включается большое количество догадок. Историческая демография — спорный предмет, и различными авторами могут быть предложены разные оценки численности населения. Возможный путь, позволяющий обойти субъективный элемент — это методы археологии. Ниже мы обсудим некоторые археологические наборы данных» (С.214-215). Посмотрим, что получилось при таком подходе.

Адекватно оценивая возможности и проблемы археологии (С.222), автор рассматривает результаты заселенности по раскопкам поселений — метод, широко используемый (и я тоже его применял

–[Риер, 2000, С.18-96]) и позволяющий выстраивать соответствующие графики, в которых автор упорно ищет циклы (С.225), т.е. столь привычный «технарям» алгоритм, приемлемый для моделирования. Но в разных примерах и цикличность в итоге разная. Потому автор, следуя уже исторической логике, вводит новую переменную – политическую нестабильность (С.226-229), анализ которой приводит его к банальному выводу – влияние наличествует и оно взаимообразно. Кто это оспаривает?

Усредняя собранные и корректно рассмотренные археологические и демографические данные, добавив к ним политическую составляющую по Китаю, автор подтверждает свои прежние выводы о наличии усредненных циклов популяционных колебаний периодом в 2-3 столетия, обусловленных внутренними причинами (С.230). Действительно, после всех усреднений такая цикличность в графиках прослеживается. Но, во-первых, причины колебаний не только эндогенные. Они связаны и с климатическими флуктуациями, и с порожденным ими набегами кочевников, которые периодически разрушали (добавляясь к внутренним причинам) и китайские, и маясские династии. Но, случайно ли автор взял указанные регионы? Ведь если обратиться к Европе, а она лучше исследована, то такой цикличности в ней нет!

Научная добросовестность автора требует рассмотреть европейскую историю. Вполне обоснован выбор двух крайних регионов – Франции и России (С.231 и далее). Но временной отрезок в 2 тыс. лет настораживает: о Франции как особом явлении, развивавшимся по единой парадигме, можно вести речь, с натяжкой – с V в., но более обосновано – лишь с XI в., а о России – не ранее XIV-XVI вв. Корректно ли сопоставление?

Вполне обоснованно автор начинает с обширного исторического экскурса. В целом он приемлем. Но есть и примеры неточных интерпретаций, связанных с ограниченностью исторических знаний или же их неточным осмыслением, что, естественно, влияет на общее отношение к выводам. Итак.

«Почему норманны ассимилировались так быстро (за два столетия), в то время как ассимиляция бретонцев потребовала больше тысячелетия?» (С.234). За ответом автор обращается к социологическим теориям. А не проще ли посмотреть на этнос тех и других. Бретонцы – потомки островных бриттов, т.е. кельты. В Британии с германцами они и донныне не ассимилировались, ибо были там коренным населением. Норманны же везде, кроме родины – Сканди-

навии, как пришельцы были немногочисленны и потому довольно быстро растворялись среди туземцев. А франкам, как и англо-саксам вообще близки, так как – германцы.

В IX в. «Карлом Лысым была организована Нейстрийская марка...» (С.235). Она возникла еще при потомках Хлодвига, в VI в., а при Карле Лысом, после Верденского раздела 843 г. из империи его деда – Карла Великого – образовалось Западнофранкское королевство.

Сопоставляя судьбы Англии после норманнского завоевания и норманнского Сицилийского королевства автор обращается к халдуновской асабии (С.235-236). Тогда как причины успешного (в исторической перспективе) развития Англии и застоя Южной Италии после середины XIII в. кроются в комплексе социально-политических условий и внешних воздействий (от особенностей землепользования в Англии до арагонского влияния на королевство обеих Сицилий в XIV-XV вв.), что уже отмечалось выше. Объяснять все это взаимоотношением асабий элит и народных масс не просто упрощение, а выхолащивание истории, превращение ее в схему, в чем в свое время упрекали примитивно-марксистскую школу Покровского.

На С.236-237 автор рассматривает динамику развития Франции сквозь призму своей теории влияния пограничья. Но ведь, как уже отмечалось, в средневековой Западной Европе, в условиях сеньориальных порядков и локальных иммунитетов любое из десятков государств было пограничным. Теория лишь констатирует общеизвестное в данных условиях (как кантовская дополнительная сущность).

«...III столетия (назовем этот цикл волной принципата, поскольку именно так называется соответствующий период истории Римской империи)...» (С.237). Вообще-то принципат закончился в начале кризиса III в., при Септимию Севере, и начался переход к более воинственной и авторитарной системе, завершившийся доминантом с приходом Домициана в 80-е гг. В контексте целей книги эти неточности, конечно, второстепенны. Но они свидетельствуют о том, что междисциплинарные исследования, к тому же с таким огромным охватом материала должны вестись коллегиально. Причем лучше, если каждый будет заниматься тем, в чем профессионален.

Далее на той же странице: «С I столетия до н. э. до II столетия н. э. число поселений увеличилось в три раза, так что фактически население возросло, вероятно, даже в большей степени, потому что разумно предположить, что размер поселений также увеличился». Не факт. Занимаясь средневековыми сельскими поселениями Евро-

пы, обратил внимание на преобладание именно небольших поселений, при общем росте их числа в определенные периоды [Риер, 2000, С. 55-59, 70,73, 91; Риер, 2008, С.9-23]. И в Риме было по-разному, в зависимости от типа хозяйства и географических условий. Так что предложенное допущение неприемлемо. И далее там же: «Согласно структурно-демографической теории, такой бесконтрольный рост населения должен был привести к государственному банкротству и последующему краху. Именно это и произошло. В течение II столетия н. э. Римская империя испытала большую волну инфляции. Последовало крушение государства, и большую часть III столетия империя испытывала кризис центральной власти». Основная причина кризиса – предыдущее территориальное расширение Римского государства, поглотившее все военные ресурсы и, как следствие – прекращение завоеваний после II в. В результате – сокращение поступления дешевых рабов, что породило кризис экономики с III в., дополненный кризисом управления. Усиливающаяся централизация привела к росту бюрократии. Нехватка людей для охраны протяженных границ вызвала рост расходов на наемную, по сути, армию. В итоге империя «проела» себя. Эти внутренние проблемы совпали с социальными изменениями у германцев, породившими их агрессивность... Как видно, дело не в частной теории.

Дальнейшие рассуждения автора, сводящего всю динамичную и противоречивую историю уже западноевропейского средневековья к демографическим волнам (С.238 и далее) представляются наивными. Да, эти процессы были, но влетали в сложный конгломерат событий. То же относится и к причинам Столетней войны (С.239). В принципе, по сюжету книги оценивать ее, как и многие другие события, автору и не нужно. Очевидно, его просто увлекла сама история, как бывает со многими, кто в нее «влезает». И суждения автора порой интересны и оригинальны. Но одной – двумя фразами «закрывать» целые эпохи, коим посвящены десятки, а то и сотни специальных исследований историков, мягко говоря – самонадеянно. Не говоря уже об отмеченных упрощениях. Анализируя причины колебаний численности населения во Франции XIV-XV вв.(С.241), автор не учитывает происходившие преобразования в феодальном хозяйстве (коммутацию крестьянских повинностей, освобождение от личной зависимости, расслоение в деревне), породившие обедненные части хозяйств.

И, наконец, общий вывод по истории Франции: «Считая столетия упадка (которые легче обнаружить в исторических хрониках),

обнаруживаем, что для Галлии-Франции они приходятся на III, VI, IX, XIV, XVII, XX века» (С.246) – неточен: VI в. едва ли можно категорично отнести к упадку – создавалось государство. Скорее упадок был в VII в. – времени «ленивых королей». IX в. – распад империи Карла Великого, но создание обособленных королевств, при начале хозяйственного подъема, который в X-XI вв. перерос в знаменитую внутреннюю колонизацию. IX-X вв. – время активного создания сеньориального строя. XIV в. – упадок лишь в середине столетия, на первом этапе Столетней войны. XVII в. – упадок во времена Ришелье и итоговой победы в 30-летней войне? При всех проблемах в это время создавался знаменитый французский абсолютизм – строилась основа блестящей эпохи Людовика XIV... В итоге концепция четкой цикличности рушится.

Далее автор обращается к Руси-России. Общая оценка автора ее судеб возражений не вызывает. Ошибки опять в мелочах, очевидно, все из того же стремления к обобщениям: Магьяр на западе в IX в. (С.248) еще не было. Они расселились в Паннонии в X в. Киевское княжество с натяжкой можно рассматривать лишь с конца IX в. «Существенное» присутствие финно-угров в Среднем Поднепровье также неизвестно. Мелочи, но с нарастающим из-за последующих неточностей они, как отмечалось, влияют на общее доверие к выводам.

Называть «Литовское княжество» империей (С.252), учитывая ее внутреннее устройство, едва ли уместно. И там же. «Не имелось религиозного разлома...» на данной территории (после создания Великого княжества Литовского) – давнишний московский миф. Об этом есть ныне много публикаций и в России (прежде всего Б.Н.Флоря), и в Беларуси, и в Украине, и в Польше. Ну а по поводу «цивилизационного разлома» С.Хантингтона: он имел в виду Европу после XV в. Стого времени граница православия и католицизма действительно постепенно превращалась в рубеж двух типов развития, обозначенной позднее и «линией Керзона» и нынешней восточной границей Евросоюза. Впрочем, чуть далее автор признает, «что к 1240-м годам западные и восточные течения христианства отклонились достаточно далеко...» (С.243). Хотя и относит эту мысль к более северному региону. А если принять авторское отношение к роли пограничья в истории, утверждение, что «Россия была пограничным государством по крайней мере до XVIII столетия» (С.253) хотелось бы дополнить и XIX в. (завоевание Кавказа и Средней Азии). И нынешние события возвращают, кстати, Россию к той же пограничной парадигме, сплывающей ее асабию (в терминах автора).

Называть XII в. в древнерусской истории *периодом упадка*, и далее: «*Второй период гражданской войны в середине XII века привел к окончательному краху Киевского государства*» (С.254) – опять упрощение. Политическая раздробленность и сопровождавшие ее усобицы сопровождались, тем не менее, и хозяйственным подъемом, особенно в городах и развитием культуры. Кстати, называть тогдашние усобицы гражданской войной – явная модернизация: и граждан еще не было, и воевала, прежде всего, элита, а не весь народ. То же самое в аналогичной ситуации переживала и Западная Европа. Но она была защищена от кочевников и пережила этот период с меньшими потерями. А полная политическая децентрализация в Северной Италии даже способствовала зарождению там капитализма. Руси из-за соседства со степью географически и исторически не повезло. Но не раздробленность была причиной утраты независимости. Более сплоченные в то время Китай и Корея тоже пали под ударами монголов. Как и Турция при сельджуках. Натиску степняков обычно не могли противостоять и более сплоченные, чем Русь, земледельческие сообщества. В этом особенность многовекового противостояния кочевников и оседлых народов. С учетом задач книги, такие особенности в своих моделях автор должен учитывать.

В дальнейших событиях евразийского средневековья автор выделяет ряд циклов. При генерализации истории они просматриваются. Но историкам важнее проследить конкретные процессы. Поэтому замеченная еще Ибн Халдуном цикличность их обычно интересует в наименьшей степени, ибо мало что объясняет. Скорее, ее надо обосновывать детальными региональными исследованиями, что и делается в многочисленных обобщающих публикациях. С этой точки зрения, подходы автора новых знаний не добавляют.

«*Однако к 1570-м годам экспансия Московии выдохлась. Длительная Ливонская война (1558-1583) даже привела к потере территории. Историки предложили много объяснений поражения России от коалиции Речи Посполитой и Швеции, но нам представляется, что глубинной причиной была инверсия вековой тенденции*» (С.256). Вот это уже, прошу извинить за резкость, отдает дилетантизмом. Причин, действительно, много. А отмеченная *вековая тенденция* – их порождение. В конфликтах на Западе Московия проигрывала, прежде всего, из-за военно-технической отсталости, возникшей первоначально вследствие отвлечения ресурсов на монгольские дани, и, соответственно, упадка городов, демографического регресса. А затем – из-за победы деспотических форм управления, особенно при

Иване Грозном. Причине этого «овосточивания» посвящено огромное количество исследований с разными подходами и выводами...

От дальнейшего обзора российской истории воздержусь, чтобы, опять по Канту, не множить сущности. Ибо суть замечаний, полагаю, понятна. Обращусь к общим выводам и приложениям.

«...Общий подход к развитию исторической динамики может работать в исторических приложениях и давать нетривиальные результаты... имеется связь между метаэтническими пограничьями («цивилизационными разломами») и последующим развитием агрессивных империй в этих областях» (С.261). В чем нетривиальность?

*«Франция, как мы видели в разделе 9.1, до 1900 года прошла три цикла (Капетинги, Валуа и Бурбоны) и теперь находится в четвертом цикле. Франкская империя просуществовала два цикла (Меровинги и Каролинги), хотя, вероятно, можно было бы утверждать, что был и третий цикл — Оттонские и Салические императоры средневековой Германской империи (долина нижнего Рейна была географическим ядром и каролингской, и Священной Римской империй...)» (С.265). Это — формально-династийный подход. Меровинги и Каролинги не просто разные циклы, но и общества. Франки Меровингов, по сути — сложное евождество. При Каролингах начало создаваться раннее государство. Эпохи Капетингов и Валуа, да и Бурбонов — типичное средневековое государство. При этом между Капетингами и Валуа концептуальных различий, по сути, нет. Германский цикл — особый регион со своими «тараканами». Указанная цикличность — сугубо формальная. На той же странице *«...недолговечных империй — Киевское княжество...»* — опять империя, да еще с X в. Тем более, что ниже, в глоссарии читаем: *«Империя (лат. imperium, букв., верховная власть) — термин используется автором для обозначения большого мультиэтнического территориального государства со сложной структурой власти» (С.287). И какое отношение этот термин имеет к франкам времен Меровингов, и к раннему Киевскому княжеству?**

Далее к тексту добавлены приложения, дополняющие концепцию автора. Коль так, обратимся и к ним.

Приложение В: *«О математическом моделировании исторических процессов: аграрные общества» (А.С.Малков, Г.Г.Малинецкий, Д.С.Чернавский). Читаем: «математическая теория социальных систем все еще не может нащупать прочную основу. Проблема многокомпонентности и многофакторности социальной динамики серьезно затрудняет выделение базовых взаимосвязей, а недоступность эксперимента и уникальность отдельных явлений требует качественно новых*

методов для изучения социальных систем. Одним из возможных подходов к пониманию сущности динамики общества является обращение в прошлое, к историческим истокам современности. Такой подход, с одной стороны, позволяет иметь дело с более простыми системами — предыдущими стадиями сегодняшнего общества, с другой — дает эмпирическую базу для анализа и поиска закономерностей. Данная идея была взята на вооружение многими известными историками и экономистами. К ним можно отнести Фернана Броделя» (С.304).

Во-первых, простота «систем прошлого» - от ограниченности наших знаний. Этнографы годами, и даже десятилетиями жили среди первобытных племен, чтобы понять их внутренние связи и принципы поведения (вспомним жизнь Л.Моргана у урокезови Н.Н.Миклухо-Маклая у папуасов). Во-вторых, опыт Ф.Броделя показал всю сложность и многообразие взаимосвязей в истории; в итоге от попыток обобщать «поздние анналисты» перешли к частным проектам, к микроистории. Очевидно, нельзя объять необъятное в деталях. Отказ же от них позволяет создавать лишь слишком общие модели, в которых нет конкретики, а, значит, и истории.

Читаем дальше: «исторический процесс часто воспринимается исключительно как череда непредсказуемых случайностей и событий, свершений отдельных людей, возвеличивающих или приводящих в упадок огромные государства. Такое интуитивное восприятие истории значительно затрудняет подход к ней как к закономерному процессу» (С.305). Такая констатация – вчерашний день исторической науки, причем именно благодаря школе «Анналов». Поскольку, как отмечалось, любая история содержит массу разноплановых динамичных деталей, которые невозможно выстроить в строго упорядоченную схему, без интуитивного ее восприятия не обойтись. И в этом историческое познание сближается с искусством, что еще более затрудняет ее моделирование.

Приведенная на С.306-307, рис.1 «Обобщенная схема функционирования и взаимодействия аграрных обществ» страдает существенным недостатком: в ней нет основного производителя, без которого не может существовать элита – крестьян. И, соответственно, не показан основной фактор и канал взаимодействия – рента. В схеме все сведено к цепочке «ремесленники – товары – престиж – купцы – элита». Простите, а кушать элите что, украшения? Забыт вообще характерный для аграрных обществ, особенно ранних, дотоварный период. Но ведь крестьяне были всегда. Элита, кстати, из них же выделялась, как и купцы с ремесленниками. И коль нет в схеме

крестьян и поборов с них, все дальнейшие рассуждения и формулы статьи **повисают в воздухе!**

Примечательно, что во всей рассмотренной статье упомянута лишь одна работа историка (Бродель), да и то в общей ссылке.

В противоположность вышерассмотренному, в приложении D «*Математические методы в исследовании закономерностей развития общества: моделирование эволюции этнических систем*» (А.С.Малков, С.Ю.Малков) связь процессов пассионарности с колебаниями январской изотермы показана весьма убедительно (С.333-335, рис.3-5).

Наконец, приложение F: «*Базовая модель средневековой египетской политико-демографической динамики*» (А.В. Коротаев). Странно, что хотя бы в описательной части текста, написанного историком-арабистом, отсутствует анализ специфики землепользования. А ведь это основа аграрных обществ. И, как уже отмечалось, именно в этой специфике отношения к земле и прав на нее – основа всего исторического пути человечества в доиндустриальный период. На ней основана та форма добуржуазного общественного устройства, которая (кажется, от Л.С.Васильева) названа «*власть-собственность*»... Без анализа систем землевладения аграрных обществ не понять. Все модели, построенные без учета этих систем будут неадекватны историческим реалиям, и, следовательно, не имеющими научного смысла. Возможно, именно поэтому, а не только из-за слабой математической подготовки, большинство историков скептически воспринимают подходы, предлагаемые в данной книге.

Показательно обсуждение книги на форумах [<http://www.nkj.ru/interview...>]: **все вопросы – не от историков!** Не менее показательны и ответы автора. Например, вопрос: «*Верна ли гипотеза, что в странах с высоким уровнем жизни всегда будет отрицательный рост населения и в будущем население планеты значительно уменьшится?* Ответ: «... рождаемость зависит не от абсолютного, а от относительного экономического благосостояния. Упрощая, люди сравнивают свой достаток с достатком родителей... В европейских странах рождаемость падает не потому, что там высокий уровень жизни, а потому, что молодое поколение должно работать дольше и интенсивнее для того, чтобы достичь уровня родителей...». Поразительно неполный ответ. Во-первых, современные технологии при соответствующем уровне образованности позволяют работать, по крайней мере, физически менее интенсивно. Но, главное, во-вторых, как будто, автор не знает о типах семей в демографии: архетип, традиционный, современный. Последний, воз-

никший в Западной Европе Нового времени, связанный с урбанизацией, современным производством и культурой характерен сокращением детности из-за включения женщин в экономическую деятельность и повышением уровня медицины – снижением детской смертности. В итоге детей перестали рожать «про запас». Урбанизация также привела к распространению нуклеарной семьи вместо традиционной. Родителям осталось рассчитывать только на себя. К тому же повысилась ценность образования, что увеличило возраст вступления в брак и, следовательно, сократило время фертильности (детородный возраст). Все это привело к снижению рождаемости и пути назад, к многодетности, уже, очевидно, нет. Это видно хотя бы на примерах стран, идущих по пути модернизации (Китай, Египет, Иран), где детность уже сокращается...

Хотя, в одном из ответов П.В. прозвучала и мысль, созвучная высказанной мной в этой статье: *«Как я уже говорил, история – сложный, многофакторный процесс. С другой стороны, важно удержаться от «умножения сущностей» без надобности»*. И далее: *«Для того, чтобы строить и эмпирически проверять исторические теории, социологии не достаточно. Нужны еще экономика, археология, политология, география, климатология и многие другие дисциплины. Видимо, именно потому, что история требует мультидисциплинарного подхода, – она последняя из общественных наук, которая испытывает научную революцию. Кстати, подавляющему большинству социологов исторические вопросы совершенно не интересны. Их только интересует, что происходит здесь и сейчас»*. Это уже после рассмотренной книги. Поэтому, есть надежда, что, если автор прислушается к замечаниям историков, он сумеет приблизиться к своей цели – построить модели, **адекватные самой истории**.

Подведу итог. Хорошо, когда сами историки владеют математическим аппаратом прибегают к соответствующим методам (Например, уже упоминавшиеся А.В.Коротаев, Н.Н.Крадин). Еще лучше, когда объединяются соответствующие специалисты в интердисциплинарных исследованиях [См., напр.: Клименко, Мацковский, Пахомова; Коротаев, Клименко, Прусаков]. Но обращаться к истории один на один «технарю» – проявлять излишнюю самонадеянность. Это – как себя лечить по справочникам, а в наше время – по интернету. При обилии информации нужно, как советовал еще Гиппократ, лечить не болезнь, а больного. А для этого необходим специфический лечебный опыт и производная от него интуиция. Очевидно, неполнота наших исторических знаний, как и ограниченность знаний о человеческом организме у медиков, требует от историков развивать интуицию, что, как отмечал выше, сближает эту

науку с искусством. Ибо «технари» при всем своем профессионализме не владеют историческим контекстом и соответствующей эрудицией. Ее не заменят пусть и десяток – другой прочитанных исторических книжек. Общий культурный уровень и даже увлеченность общественными процессами – «не прокатят» – нельзя объять необъятное. Пусть история – наука не очень точная количественно, но она слишком обширна по объемам информации, чтобы быть адекватно понятой теми, кто «не в ней».

Как следствие, многочисленные допущения в моделях. Недостаток информации и сложности оценок поступков и людей, и целых социумов – проблема не только историков. Не потому ли экономисты обычно не только не могут предсказать кризисы, но не всегда их адекватно объясняют. Ведь жизнь развивается не по моделям, а в результате совокупной деятельности множества людей и их сообществ со своими локальными, часто с противоположными интересами. А там уж, «чья возьмет». Это как случайный камешек или что еще страшнее, неожиданно лопнувшее колесо может отбросить движущийся автомобиль в сторону. А тут – тоже варианты в духе допущений автора: хорошо, если просто в кювет, а если в дерево, или, еще страшнее, на встречную полосу – и в лоб... Но может ведь ничего из этого и не случится...

Отсюда и частные возражения, как, например, о циклах французской истории и других аналогичных колебаниях. Доводы автора кажутся обоснованными только в собственных рамках, без вплетения в общий контекст исторических процессов. Это в чем-то похоже на подходы печально известного «новатора в истории» – Фоменко: выбираются только те факты, которые укладываются в заданную концепцию. Конечно, у нашего автора все куда более научно. Фоменковских манипуляций он не допускает. И историю понимает куда серьезнее и глубже. Но сами историки такие труды обычно игнорируют как из-за указанных упрощений, так и тривиальности тех выводов, которые совпадают с общеизвестными.

Тем не менее, все вышерассмотренное – не повод игнорировать возможности математики в исторических исследованиях. Нужно, однако, привнесенные извне методы встраивать в общую логику и контекст исторических процессов. Пример именно такого подхода – исследование К.В.Хвостовой, которая уже много лет использует математическую статистику при изучении истории Византии. Но при этом она «идет» от конкретных источников, массовость и однотипность которых побудили и сделали возможным применение статистических методов. То есть математика здесь – не «нависает» над историей, а используется в прикладных целях: при изучении характера расслоения византийского кре-

стьянства [См.Хвостова, С.112-123]¹. Формализация большого массива статистических данных с помощью специально разработанных программ позволила исследователю выработать усредненную, «идеальную модель» крестьянского хозяйства и сопоставить ее с конкретными материалами. Был определен относительный уровень благосостояния каждого хозяйства и определена его зависимость, в конкретных условиях Византии, не столько от размеров земельных владений, сколько от налоговой политики властей. Составленная формула позволила, как утверждает Хвостова, проследить динамику и закономерности развития крестьянской экономики в контексте сложных и противоречивых общеисторических процессов в Византии.

Возможно, в столь кратком виде я изложил данный метод далеко не полно. Но, главное, хотелось бы подчеркнуть, что все сделанное встроено в общеисторический анализ как частное наблюдение с математически обоснованным выводом. Вот в такой форме можно вести речь о клиометрии!

К общим же «историко-синергетическим» построениям Хвостова относится не просто скептически: *«Историк не нуждается в терминах синергетики и не употребляет их»* [Хвостова, С.8]. И далее: *«По мнению приверженцев синергетики, достаточно рассмотреть тенденции, которые действуют в обществе статистически и как спонтанно саморегулируемые процессы, независимые от индивидуального поведения людей в отдельные хронологические периоды в рамках длительной эпохи, насчитывающей не одно столетие. Однако профессиональный историк в практике своего конкретного исследования не пользуется таким подходом...»* [Хвостова, С.206].

И в заключение приведу мысль из рецензии Н.Н.Крадина на монографию А.В.Коротаева и Л.Е.Григина «Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы» (М. 2009): *«за обобщенными сводными данными частично исчезла вариативность исторических процессов»* [<http://www.socionauki...>]. Как видно, даже историки не могут избежать упреков в схематизме и слабой доказательной базе, когда увлекаются построением теоретических моделей, основанных на **избранных** показателях.

И еще. О неоправданном высокомерии «естественников» по отношению к гуманитариям хорошо писал К.Поппер. Но завершу другой его мыслью: *«научная объективность — это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества»* [Поппер].

1 Там же – и ссылки на специальные математические разработки автора.

Литература

Карпюк С.Г. Климат и география в человеческом измерении. М. 2010.

Клименко В.В., Мацковский В.В., Пахомова Л.Ю. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в средние века// История и современность, № 2. 2012. С.130–163.

Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б. Возникновение ислама. Социально-экологический и политико-антропологический контекст. М. 2007.

ЛеРуаЛядюри Э. История климата с 1000 года. Л. 1971.

Малинецкий Г.Г. Из прошлого в будущее// Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М. 2010. С.9-33.

Поппер К. Логика социальных наук// <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3959>

Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев. 2000.

Риер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. Могилев. 2003.

Риер Я.Г. Историческая демография. 2006.

Риер Я.Г. Цивилизации средневековой Европы// Вестник Европы. 2006. Тт. XIX-XX. С.165-187 (а).

Риер Я.Г. Археология средневековой европейской деревни: общие черты и региональные особенности. Могилев. 2008.

Риер Я.Г. Климат и исторические процессы: По поводу исторических представлений проф. В.В.Клименко// Человек и природа в пространстве и времени / Серия Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVI. М. 2012. С.261-298.

Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т.1. Анналы. Малые произведения. Л. 1969.

Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М. 2010.

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб. 2009.

<http://polit.ru/article/2014/04/09/ukraine/>

<http://polit.ru/article/2014/04/20/crimea/>

http://www.nkj.ru/interview/14764/?ID=14764&PAGEN_3=2

http://www.socionauki.ru/book/files/social_macroevolution/recenziya_kradin.pdf